

ного героя. Макрособытие «предрождественский вечер» повествование не заканчивает, за ним следуют *событие* «мать мальчика» (*die Mutter des Bengels*) и *событие* «увольнение главного героя» (*Kündigung*). Таким образом, макрособытие выводит на поверхность текста реальную значимость событий, позволяет проследить их иерархию в событийной нити и вскрыть глубинную семантику текста.

Следует добавить, что рассмотрение содержательно-подтекстовой информации предполагает, прежде всего, работу с многообразной символикой короткого рассказа. Из многочисленных примеров в рассказе Г. Белля можно привести следующие: макрособытие «*der Heilige Abend*» имеет несомненное символическое значение, так как дает автору повод одарить по заслугам всех героев рассказа; в слове «мать», обозначающем героиню рассказа, появляется дополнительная символическая сема — «та, которая в предрождественский вечер должна быть рядом со своим ребенком».

Таким образом, накладывая голографическую модель на языковую и содержательно-смысловую структуру текста, мы можем моделировать процесс понимания текста в дидактических целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
2. Пирожников Л.Б. Что такое голография? М.: Московский рабочий, 1983. 191 с.
3. Hermes, E. Training Analyse und Interpretation erzählender Prosa. Stuttgart; München; Düsseldorf; Leipzig: Ernst Klett Verlag, 1997. 125 S.
4. Böll, H. Die Erzählungen 1947 — 1970. Leipzig: Insel — Verlag, 1973. 727 S.

Наталья Владимировна ДРОЖАЩИХ —
профессор кафедры английской филологии
Тюменского государственного университета,
доктор филологических наук
ndro2004@rambler.ru

УДК 800.22

ЛИНГВОСИНЕРГЕТИКА: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются истоки и перспективы лингвосинергетики — актуального направления в современной лингвистике. Впервые ставится вопрос о базовых понятиях синергетической этнолингвистики, исследующей когнитивное, культурное и дискурсивное пространство народа в связи с эволюцией его языковой системы.

Summary. The article is devoted to the problems of synergetic linguistics. It lays the foundations of synergetic ethnolinguistics which aims to examine coevolution of cognitive, cultural, linguistic and discursive domains of various ethnos.

Ключевые слова. Лингвосинергетика, когнитивное пространство, синергетическая этнолингвистика.

Key words. Synergetic linguistics, cognitive domains, synergetic ethnolinguistics.

Настоящая статья представляет собой обзор работ отечественных и зарубежных лингвистов по проблемам лингвосинергетики с обоснованием объекта и предмета синергетической этнолингвистики — нового направления в современном языкознании, формируемого на стыке этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвосинергетики, исторической лингвистики и других смежных дисциплин.

Синергетика — особая разновидность системного подхода, общая теория самоорганизации сложных систем — изучает процессы спонтанного возникновения и динамического развития коллективных структур из «хаоса». Основы синергетики — понятия *открытых, нелинейных систем и процессов, детерминированного хаоса, диссипативных структур* и многие другие — заложены такими видными учеными, как Г. Хакен, И.Р. Пригожин [1; 2] и получили дальнейшее развитие в различных областях естественнонаучного и гуманитарного знания: физике, химии, биологии, (нейро)физиологии, социологии, педагогике, литературе, лингвистике, а также в искусстве, культуре, коммуникации (Е.Н. Князева, В.И. Аршинов, Д.С. Чернавский, В.Г. Буданов, А.В. Волошинов, И.А. Евин, В.Г. Зинченко).

Как и другие нелинейные системы, язык представляет собой самоорганизующуюся и саморегулирующуюся систему, которая в ходе эволюции адаптируется к окружающей среде не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения своей структуры. Развитие языка и сознания неразрывно связаны с развитием общества, с историей народа-носителя языка. В языке мы имеем дело с частным случаем всеобщей связи явлений в природе и обществе [3; 119].

Возникновение синергетического направления в языкознании связывается с именами ученых немецкой школы *синергетической лингвистики (synergetic linguistics)* В. Вилдгеном, Р. Келером, Г. Альтманом, а также их последователями [4; 5]. Предметом исследования ученых данного этапа развития синергетической лингвистики являются *элементы и процессы эволюционирующей системы языка*, охватывающей хронологически разные периоды в синхронии и диахронии.

Фундаментальным положением синергетической лингвистики является тезис о неравновесности, неустойчивости, открытости и нелинейности языковой системы. По В. Вилдгену, различные языковые подсистемы, которым свойственна динамика, обнаруживают черты роста и упадка и потому являются неравновесно-динамическими образованиями [4; 423, 425]. Согласно Р. Келеру, *механизмы самоорганизации и саморегуляции* в языковой системе, а именно *флуктуации и отбор*, «трансформируют» ее в сторону оптимального устойчивого состояния и оптимальной адаптации к окружению. При этом сохраняются только те структуры и варианты, которые соответствуют всем требованиям языкового окружения, т. е. факторам среды [6; 4454-4455].

Феномен самоорганизации и саморегуляции языка является объектом целого спектра концепций, разновидностей *динамического подхода* к изучению языковых единиц Дж.К. Ципфа, М. Сводеша (глотохронология); квантитативной лингвистики и типологии (Р.Г. Пиотровский, М.В. Арапов, В.Т. Титов, Дж. Гринберг), системной лингвистики [7; 8], концепции взаимодействия языковых феноменов (Б.Е. Зернов, В.С. Храковский, Н.И. Пушина). Проблематика синергетической лингвистики во многом пересекается с проблематикой диахронической лингвистики XIX-XX вв., представленной в ряде моделей эволюции и развития языка: это модель *деградации и прогресса* (Р. Раск, Я. Гримм, В. Гумбольдт, О. Есперсен и другие); *стадиальные модели* (Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов и другие); модель *калейдоскопического развития* (Ж. Вандриес и другие); модель *системной* сущности и эволюции языка в процессе адаптации его носителей к коммуникативным ситуациям общества (И.А. Бодуэн де Куртене, Г. П. Мельников и некоторые другие); модель лингвистического *цикла* (К. Ходж, Ж. Одри); модель *жизненного цикла слова* [9]; типологическая модель *смены* контенсивных доминант (Г.А. Климов), а также модели зарубежных исследователей (В.Н. Bichakjian, D. Bickerton, W. Croft, T. Briscoe) и модель синергетического цикла [10]. В них акцентируется неравновесность процессов языковой эволюции, утверждается наличие диахронических изменений, направляемых дрейфом — общим движением в языке (Э. Сепир).

В целом ряде работ, относящихся к динамической лингвистике, показано, что состояние *равновесности* языковой системы достигается посредством реализации принципов *экономии / избыточности* (А. Мартине), когнитивной *экономии* и *соответствия* языковых единиц структуре мира (Э. Рош и последователи); принципа *минимизации* умственных затрат и *минимизации* усилий по производству знака (Б. Линдблом, К.Й. Колер); принципа *соответствия* формы содержанию (С.В. Воронин); принципов *зависимости* между степенью интенсивности языковых контактов и ростом *однородности / неоднородности* лексикона (А.А. Поликарпов); между *стабильностью / нестабильностью* коммуникативных условий и *уменьшением / ростом* языковых изменений, между возрастом слова, его длиной, полисемией, частотностью, степенью сохранности слова и его значением. Важнейшей заслугой исследователей, работающих в русле синергетической и эволюционной лингвистики, является постановка проблемы *динамического* аспекта языка, *равновесия / неустойчивости* языковой системы в диахронии (И.Б. Хлебникова), *инновационных / архаических* тенденций в эволюции языка (М.М. Гухман), *регенерации* языковых единиц и значений и *компенсаторных явлений* в целом (В.Г. Адмони, Б.А. Серебренников), *адаптации* системы в диахронических процессах (И.В. Арнольд), аттракции (Г.С. Щур и др.), соотношения *системы и среды* (Э.А. Макаев, М.М. Маковский). Данные работы составляют методологическую основу исследований, связанных с вопросами языковой эволюции. И хотя термин синергетика в этих работах не используется, в совокупности имплицитно используется идея «синергетического цикла», спиралеобразного прохождения языковой системой этапов **хаос — порядок — хаос**.

Теоретический и практический материал интегративного и синергетического характера, накопленный отечественной лингвистикой, получает новое теоретическое осмысление на рубеже XX-XXI веков. Оно связано с возрождением интереса к проблемам языковой личности и национального сознания (Ю.Н. Караулов, И.А. Стернин, С.Г. Воркачев), речемыслительной деятельности «говорящих сознаний» в дискурсивных практиках этноса (Д.Б. Гудков, И.В. Привалова), идеям антропоцентризма, по-новому преломленным в рамках лингвокультурологии, коммуникативной и когнитивной лингвистики, этнолингвистики (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, А.С. Гердт, А.М. Копыленко, Н.И. Толстой). В это время появляются работы, в которых акцент ставится на синергию речемыслительной деятельности индивида и продуктов этой деятельности. Термин *синергетическая лингвистика* при этом сменяется термином *лингвосинергетика*. В целом, если не вдаваться в методологические тонкости, два термина функционируют как синонимы.

Объектом *лингвосинергетики* на новом этапе ее развития становятся речемыслительная и переводческая деятельность индивида и текст как синергетические системы [11], [12], [13], [14], [15], [16], а также понятия фрактальности текста и концепта [17], [18]. Новое направление фрактальной семиотики обосновывается в работе В.В. Тарасенко [19]. При этом утверждается, что в настоящее время лингвистика стоит перед необходимостью создания интегральной концепции языка, которая позволит обнаружить общие свойства не только у систем, функционирующих в единстве (речь, ментальные, психические, нейрофизиологические процессы), но и у принципиально различных систем — семиотических, социальных, физических, ментальных. На смену линейному типу связи, при котором одно вытекает из другого, подчиняясь воздействию внешних причин, предлагается представление об одновременном целостном характере этих связей [13]. При этом последовательно обосновывается положение о *континуальности* смыслопорождения и *доминантности* смысла (В.А. Пищальникова) и о *целостности* как особом состоянии системы, отличном от суммы составляющих ее элементов.

При обращении к тексту в центр внимания лингвистов попадает его структура, которая может быть рассмотрена как неравновесно устойчивое состояние системы и процесс, способный перемещаться и перестраиваться в среде (Г.Г. Москальчук, В.А. Пищальникова, И.А. Герман). Сам текст при этом рассматривается как результат синергетического процесса, запечатленного в его структуре. Человек, являясь частью этого мира, неизбежно подчиняется его физическим и биолого-физиологическим закономерностям, что не может не накладывать отпечаток на характер организации структуры текста.

В работах последних лет исследователи обращаются к дискурсивному пространству индивида и этноса как самоорганизующемуся феномену [20]. В исследовании Н.Ф. Алефиренко текст рассматривается как дискурсивное пространство — речемыслительное образование событийного характера в совокупности с экстралингвистическими факторами, — в котором осуществляется «слияние и содействие энергий» вокруг ключевого слова-концепта, вбирающего в себя смысловую и экспрессивно-оценочную энергетику коммуникативного события.

Методологически наиболее существенным моментом лингвосинергетики, или синергетической лингвистики является постановка вопросов: 1) о существовании механизмов самоорганизации и саморегуляции языка и его единиц; 2) об *адаптивности* единиц и категорий языка, способных «противостоять факторам среды»; 3) о *динамических* и *бифуркационных процессах* в языковой системе, связанных с нарушением исходной симметрии; 4) о *доминантности* и *континуальности* смысла, с которым соотносится значение языковых / речевых единиц; 5) о стремлении языковой системы в сторону оптимального *равновесия* и *целостности* и, как следствие, *выравнивании* смысла категорий и подсистем по доминантным признакам; 6) о концептах-*фракталах*, заключающих в себе свернутые модели дискурсивной деятельности; 7) о содержательной и, возможно, структурной *топологичности* единого ментально-лингвального комплекса индивида и этноса, функционирующего по законам синергетики. Содержательная *топологичность* (термин, выдвинутый нами применительно к языковому / концептуальному содержанию [10]) интерпретируется как результат коэволюции когнитивного, культурного, лингвистического и дискурсивного пространств этноса.

Вопрос о коэволюции смыслов всех данных пространств не поставлен в современном языкознании. Между тем, ценный материал, накопленный в философии (Н.А. Бердяев, Н.Н. Моисеев), культурологии (А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко), семиотике (Ю.М. Лотман), этнологии (Л.Н. Гумилев, Я.В. Чеснов), филологии (Д.С. Лихачев), лингвострановедении (Е.М. Верецагин, В.Г. Костомаров), научном страноведении (Я.Г. Машбиц, Д.Н. Замятин,), этно(психо)лингвистике (Б. Уорф, Д. Хаймз, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А.С. Герд, Н.И. Толстой, Н.К. Фролов), лингвокультурологии (Г.Д. Гачев, В.Н. Телия, З.К. Тарланов, С.А. Питина), психолингвистике, коммуникативной лингвистике, межкультурной коммуникации (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, К.Ф. Седов, Е.Ф. Тарасов, Ю.Н. Караулов, С.Г. Тер-Минасова, Д.Б. Гудков, О.А. Леонтович, В.В. Красных), свидетельствует о существовании системы связей между языком, национальным характером, культурой, устойчивые фрагменты которых представляют собой фрактальные образования (Б. Мандельброт). По Н.К. Фролову, культура — социально маркированный опыт жизнедеятельности общества закрепляется — в словаре, грамматике, звуковом строе языка, художественных текстах, произведениях мыслителей, устном и письменном моральном кодексе, поведении, всей совокупности материальных памятников [21].

Вообще, существование «причудливых рисунков», содержащих специфические конфигурации черт сознания, характера, геокультурного образа страны и этноса, запечатленных в системе национального языка, не раз отмечалось в истории гума-

нитарной науки. Факты взаимосвязи данных феноменов прослеживаются в трудах В. Гумбольдта, М. Лацаруса, Г. Штейнтала, А.А. Потебни, Н.С. Трубецкого и других исследователей. В XIX в. язык рассматривается как один из важнейших факторов этнической идентичности. По М. Лацарусу и Г. Штейнталу (социально-психологическая теория «психологии народа и языка») язык представляет собой «первое проявление» народного духа. Через изучение явлений индивидуальной психологии Г. Штейнталь стремится установить связь типов языка с типами мышления и духовной культуры народов (этнопсихология). При этом внутренняя форма языка, которая и обуславливает национальный тип языка, изучается через его внешнюю форму: «основа <...> единства и индивидуальности языков заложена в своеобразии народного духа. <...> Индивидуальное единство, особый принцип каждого языка следует характеризовать с трех сторон: со стороны звука, как такового, внутренней формы и их соотношения друг с другом. Так, например, индивидуальный характер семитских языков проявляется уже в их алфавитах и в сочетаниях звуков» [22; 130].

Вслед за Н.С. Трубецким, выдающимся русским языковедом, в 1927 г. выдвинувшим положение о том, что «в своем языке народ, этнос, соборная “национальная личность” раскрывает свой внутренний мир», В.К. Журавлев приходит к выводу о том, что судьба и специфические свойства русского литературного языка чрезвычайно важны для характеристики русской национальной личности. По его мнению, можно соположить православие, возвышенность, религиозный характер русской души и «бытийно»-ориентированный грамматический строй русского языка и противопоставить его рациональности, порядку, индивидуализму западного человека, связанным с ориентацией грамматического строя западноевропейских языков на категорию «обладания» [23]. Связь русского языкового сознания с неопределенными и безличными конструкциями, а также преобладание бытийных предложений в русском языке в отличие от западноевропейских языков с иным смысловым содержанием и грамматическим выражением обосновывается в работе Н.Д. Арутюновой [24].

По мнению Л.А. Чижовой, характерные черты русской языковой личности — склонность к фатализму, пессимизму, иррационализму, моральным суждениям, детерминизму, анархизму — проявляются в доминантных темах художественной литературы (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, Б.Л. Пастернак, О.С. Мандельштам, М.А. Булгаков) и отражены в лексике, морфемике и грамматике русского языка. Автор сопоставляет детерминизм русской языковой личности с высоким удельным весом односоставных безличных предложений, где не выражен субъект действия формой именительного падежа в активной конструкции или не выражен субъект действия вообще (бессубъектные безличные односоставные предложения). Тем самым при оценке причинно-следственных отношений подчеркивается неспособность человека сопротивляться воздействию причины, существование потусторонних сил, управляющих поступками человека [25]. В древних германских языках, которые наряду со славянскими языками входят в индоевропейскую семью языков, схожие конструкции также были распространены (древнеанглийский *me thinketh мне кажется*, немецкий *Mir gefällt es мне нравится*). Однако, с ходом развития западноевропейских языков и сознания западноевропейских народов такие конструкции смещаются на периферию грамматического строя языка. Типичной конструкцией в современном английском языке оказывается структура с грамматически выраженным подлежащим *I like it мне нравится* (букв. *Я нравлю это. Я люблю это*).

Анализируя взаимосвязь сопряженных областей смысла посредством ключевых слов культуры, реализуемых в лексике, словосочетаниях, грамматических

конструкциях, пословицах, А. Вежбицкая также выходит на установки, ценности и ожидания в культурном пространстве русского народа, где слово судьба «приводит» к единицам *суждено, смирение, участь, жребий, рок, удары судьбы, ничего не поделаешь*, к безличным дативно-инфинитивным конструкциям, характерным для русского синтаксиса [26].

В целом в работах исследователей проводится идея *фрактальности* лингвистических, когнитивных и культурных признаков, формирующих специфические конфигурации в ментальном пространстве русского/западноевропейского этносов, в частности, *кластерности* признаков: экзистенциальность, бытийность, безличность, возвышенность, коллективность, фатализм/обладание, партикулятивность, определенность, материальность, рациональность, индивидуальность соответственно.

Россия и русские составляют евразийский суперэтнос, подчеркивает Л.Н. Гумилев. Особенности национального типа русских, специфичность исторического пути России объясняются необъятностью русской земли, ее порубежным состоянием [см. 25]. Идея евразийства, рассмотренная в несколько ином ключе в работах Н.А. Бердяева, подхвачена в современных теориях этно(психо)лингвистики [27]. Ю.А. Сорокин считает необходимым создание синхронической/диахронической евразийской лингвокультурологии, в рамках которой осуществляется реконструкция телесных и ментальных портретов носителей тех или иных языков/культур в виде *пучка* смыслов, что может реализоваться в подготовке серии лакунографических словарей и тезаурусных грамматик. Обращение крупного исследователя к синергетическому истолкованию культуры как нелинейной неравновесной системы и создание культуральной диссипациологии этноса демонстрирует перспективность синергетического подхода к языку. На вопрос самого автора о том, насколько перспективно полагать, что культура есть совокупность ментальных аттракторов, изначально формирующих нашу «картину мира» и запрещающих выход в другие возможные миры, мы отвечаем положительно в предлагаемой нами лингвистической концепции, вписывающейся в рамки современных междисциплинарных системно-деятельностных подходов, из которых наиболее значимым является синергетический подход.

Вслед за вышеуказанными авторами мы утверждаем, что коэволюция ментальности, культуры, психофизиологического опыта этноса, геокультурного образа страны закодирована в языковой системе. Первая попытка расшифровки «древнего послания» коллективного бессознательного англосаксонского этноса, предпринятая в рамках иконической модели в нашем диссертационном исследовании [10], раскрывает механизмы *фрактальности* этноса.

Прочные и стабильные связи, соединяющие язык, культуру и сознание этноса, могут и должны стать объектом теоретического осмысления с позиций лингвосинергетики. При этом формируется категориальный аппарат новой дисциплины — синергетической этнолингвистики. В качестве *объекта* синергетической этнолингвистики целесообразно определить феномен **коэволюции** специфических конфигураций смыслов и коммуникативно-вербальных структур в когнитивном, культурном, лингвистическом и дискурсивном пространствах этноса хронологически разных периодов его развития. Речь идет о целостном цикле развития единой ментально-лингвальной системы этноса — о ее возникновении, развитии, самоусложнении и саморазрушении. В этом случае синергетика, в том числе и языковая, увязывается с теорией *эволюционной эпистемологии* (А.С. Майданов, И.П. Меркулов, К.Р. Поррег). Эволюционирующая система является фракталом, в котором всегда сохраняется определенная наследственная структура [28].

Соответственно, в качестве *основного предмета* исследования синергетической этнолингвистики мы выдвигаем вербально-коммуникативные маркеры *фрактальности* этноса. Цель синергетической этнолингвистики состоит,

таким образом, в обосновании фрактальности этносознания, аккумулирующего коэволюционную дивергенцию и конвергенцию смысла в пространстве этноса.

Методологической основой служат исследования: динамической сущности и «творческой силы» языка (В. фон Гумбольдт); неравновесности языкового знака (С.О. Карцевский); синергетического движения в языке как продуцирования устойчивых смысловых полей (В.И. Аршинов, Я.И. Свирский); стадий развития этноса (мутация — взрыв пассионарности — этнический реликт) (Л.Н. Гумилев); взаимосвязи языковой личности, генетического кода, физической реальности (Н.Я. Марр, Р. Якобсон), в рамках которой «лингвистическое поле становится частью окружающей среды» (У. Матурана, Ф. Варела). Базовым методом является метод иконического соположения языковых единиц, категорий, систем. При этом выявляются специфические когнитивные конфигурации смыслов (фракталы) в сознании и культуре, определяются лингвистические смысловые поля и культурные паттерны, изоморфные универсальным принципам фрактальности сложных систем; устанавливается связь смысловых полей с эпистемами культуры, обосновываются наиболее общие принципы самоорганизации языка, эволюционирующего вместе с сознанием, культурой, дискурсивными практиками и стратегиями познания этноса.

Таковы истоки и наиболее общие прогнозы и перспективы развития лингво-синергетики в начале нового столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.
2. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. М.: Наука, 1985. 327 с.
3. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 118-126.
4. Wildgen W. Basic Principles of Self-Organization in Language // Synergetics of Cognition. L., P., Tokyo, Hong Kong: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 1990. P. 415-426.
5. Köhler R. System Theoretical Linguistics // Theoretical Linguistics. 1987. Vol. 14. № 2-3. P. 241-257.
6. Köhler R. Synergetic Linguistics // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ascher R. E. (Ed.). Oxford: Pergamon Press, 1994. Vol. 8. P. 4454-4455.
7. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 393 с.
8. Пономаренко Е.В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 447 с.
9. Polikarpov A.A. A Model of the Word Life Cycle // Contributions to Quantitative Linguistics. Proceedings of the First International Conference on Quantitative Linguistics, QUALICO, Trier 1991 / Köhler R., Rieger B.B. (Eds.). Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1993. P. 53-63.
10. Дрожжащих Н.В. Синергетическая модель иконического пространства языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 44 с.
11. Базылев В.Н. Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках. М.: Диалог-МГУ, 1998. 180 с.
12. Мышкина Н.Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999. 43 с.
13. Герман И.А. Лингвосинергетика. Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. 168 с.
14. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: УРСС, 2003. 296 с.
15. Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. 32 с.
16. Моисеева И.Ю. Синергетическая модель текстообразования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2007.

17. Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме: Учеб. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. М.: Флинта; Наука, 2007. 224 с.
18. Морель Д.А. Концепт как фрактал: к постановке проблемы // Актуальные проблемы науки и практики в современном мире: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых (заочной) 01.09 — 30.11.2007 г. М.: Современная Гуманитарная Академия, 2007 // http://www.muh.ru/konf_071016.htm?user=57ff512e2921d5ab0d371a5f4420186f
19. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. М., 2009. 232 с.
20. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Маенаенко. Вып. 6. Краснодар, 2008. С. 20-26.
21. Фролов Н.К. Взаимосвязи этнических культур в зеркале социо- и этнолингвистики // Languages and Literatures. Вып. 20 // <http://frgf.utmn.ru/last/No19/text08.htm>
22. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 127-135.
23. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. М.: Московский патриархат, Отдел религиозного образования и катехизации, Лицей духовной культуры, 2002. 256 с.
24. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
25. Чижова Л.А. Менталитетные свойства русской языковой личности в зеркале словаря, грамматики и морфемной структуры слова. 2007 // http://genhis.philol.msu.ru/article_166.shtml
26. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
27. Сорокин Ю.А. Евразийство и его постулаты: возможные коррективы / Вопросы психоллингвистики. 2003. № 3 // <http://psycholing.narod.ru/sorokin-1.html>
28. Войцехович В.Э. Синергетическая концепция фракталов // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 141-156.

Ольга Борисовна ПОНОМАРЕВА —
профессор кафедры английского языка,
доктор филологических наук
obponomareva@list.ru

УДК 801-541

ОСНОВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные когнитивные функции в политическом газетном тексте: экспрессивно-образная, эмоционально-экспрессивная и коммуникативная функции. Подчеркивается антропоцентричность метафорической картины политического мира в целом и национальная специфика когнитивных моделей в англоязычных и русскоязычных политических газетных статьях, носящих ярко выраженный аксиологический характер.

Summary. The article tackles the basic cognitive functions of the newspaper political texts: emotive, expressive, communicative and image-making in their integration and convergence. It is stressed in the article, that the metaphorical cognitive models are universally anthropocentric and axiological though reveal national specific features predetermined by a definite political bias.